

только звезды он упоминает раньше, чем чередование света и тьмы, и к перечислению животных прибавляет рыб.

Такое сходство между рассуждениями Минуция и Мономаха может быть объяснено двояко. Наиболее осторожным было бы предположение, что тот литературный источник, с которым непосредственно связано „Поучение“ Мономаха, совпадал в изображении чудес мироздания именно с той группой средневековых сочинений на эту тему, к которой относятся и „Октавий“ Минуция, а не с сочинениями типа „Бесед на Шестоднев“ Василия Великого.

Однако не исключена возможность и другой гипотезы. „Октавий“, несмотря на свою нераспространенность в средневековой письменности, мог, в составе сочинения Арнобия „Против язычников“, быть привезен в Киевскую Русь либо из Византии греческим духовенством, либо с Запада кем-нибудь из спутников Гиты, дочери Гаральда, будущей жены Владимира Мономаха.

Самое содержание книги Арнобия и ее псевдо-восьмой главы — „Октавия“, направленное против язычества, могло побудить греческое духовенство использовать эту книгу на Руси, где в XI—XII столетиях сохранялись еще разнообразные пережитки языческих верований, притом не только среди народных масс, но и в княжеском окружении. Если мысли „Октавия“ нашли свое отражение в каком-либо церковном выступлении против язычества, то именно в такой передаче скорее всего Владимир Мономах и мог усвоить его рассуждения о чудесном мироздании, конспективно повторенные им в Поучении. Предполагать, что Мономах сам читал „Октавия“, вряд ли возможно. Хотя знание латинского языка среди киевских князей является достоверным фактом, однако чтение такого отвлеченного писателя, как Минуций, с его туманной речью, требовало глубокого знания языка. К тому же, чтение средневековых латинских рукописей было делом нелегким и требовало большой практики.

Был ли, однако, Владимир Мономах знаком непосредственно с „Октавием“ Минуция Феликса, или с другим средневековым сочинением, сходно излагавшим мысли о чудесах мироздания, в том числе о необыкновенном различии человеческих лиц; знал ли он эти рассуждения из книги или познакомился с ними в устном сжатом изложении; из Византии или с Запада был принесен на Русь источник этих сведений, — эти вопросы остаются нерешенными при данном состоянии исторических материалов. Но мы можем с уверенностью утверждать, что слова „Поучения“ Мономаха — „и сему чуду дивуемся“, предваряющие его рассуждение о разнообразии человеческих лиц, через какое-то средневековое сочинение типа „Октавия“ Минуция с его „*et quod magis mirum est*“, восходят к традиции золотого века римской литературы, представленной рассуждением Цицерона „*De natura deorum*“, где чувство удивления перед мудростью мироздания выражено аналогичным восклицанием: „*quis potest non mirari*“.